

А. М. Попонова

Студентка 2 курса, Институт истории и международных отношений, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация; e-mail: alinaroponova@yandex.ru
Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор А. В. Гладышев

ВАТЕРЛОО КАК МЕСТО ПАМЯТИ В СОЗНАНИИ РОССИЯН XIX ВЕКА

Исследование посвящено анализу образа Ватерлоо в исторической памяти россиян XIX века. В работе на примере одного из сюжетов «100 дней Наполеона» проанализированы тенденции функционирования в сознании русского народа образов «чужого», приведены свидетельства из источников и историографии, позволяющие составить представление об эволюции исторической памяти.

Ключевые слова: историческая память, исторические события, военная история, национальное сознание, наполеоновские войны.

A. M. Poponova

2nd year Student, Institute of History and International Relations, Saratov State University name N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia
Scientific adviser – Doctor of History, Professor A. V. Gladyshev

RUSSIAN VIEW ON THE FENOMENON OF REPRESENTATION OF HISTORY VATERLOO AS PLACE OF MEMORY

The study is devoted to the analysis of the image of Waterloo in the historical memory of the Russians of the XIX century. In the work on the example of one of the plots “100 days of Napoleon” analyzed the trends of functioning in the minds of the Russian people images of “stranger”, given evidence from sources and historiography, allowing to get an idea of the evolution of historical memory.

Keywords: historical memory, historical events, military history, national consciousness, Napoleonic wars.

Обращаясь к вопросу о месте Ватерлоо в исторической памяти россиян XIX в., мы затрагиваем аспекты ретроспективной памяти, отражающей представления сменяющих друг друга поколений о судьбоносных событиях. Историческая память – не просто представления обывателей в области истории о собственном прошлом – это еще и важнейшая составляющая национального самосознания, так же как память человека – основа его личностной самоидентификации.

Проблематика исторической памяти – направление в историографии относительно молодое. Всплеск интереса к ней наблюдается примерно с сер. 1990-х гг. и связан с усилиями французских специалистов под руководством Пьера Нора. Тогда историки пришли к пониманию, что изучение ретроспективной памяти позволяет продемонстрировать эволюционирующие динамические изменения в социальном сознании на примере конкретной этнокультурной общности с присущими ей особенностями и уникальной ментальностью. Примерно одновременно начинается и социально-антропологический поворот в изучении военной истории, в том числе в изучении войн XIX века и наполеоновских войн в частности [3, с. 136-150]. Так рано или поздно должно было произойти и произошло соединение наполеонистики с изучением исторической памяти как таковой.

Попробуем и мы рассмотреть, какой след оставило в исторической памяти россиян одно из самых знаменитых сражений истории – сражение 18 июня 1815 года на полях в нескольких км. южнее Брюсселя. Этот сюжет рассматривал в своих работах Алан Форрест [9], но его интересовало восприятие Ватерлоо, прежде всего, англичанами, французами и немцами. Русские части, как известно, именно в этом сражении участия не принимали, слава победителей в последней битве императора Франции досталась другим. Тем интереснее посмотреть, как в исторической памяти одного народа-победителя отражаются победы других народов – союзников по войне и соперников по славе.

В отечественной историографии в этом направлении только в самое последнее время были предприняты первые и достаточно еще робкие шаги. Чаще всего историки предпочитают писать о Ватерлоо в контексте исключительно военной истории, тактических и стратегических приемов противостоящих друг другу армий. Когда же дело доходит до образов, то описывается либо образ наполеоновской эпохи вообще [5, с. 401-410], либо исследователь сбивается с образа битвы на образ Наполеона [4, с. 65-67], рассматривает отношение к эпохе как производную от восприятия самого Наполеона [1; 6], что в какой-то степени, видимо, неизбежно: без Наполеона Ватерлоо так и осталось бы никому не известной бельгийской деревней.

Французы называли это сражение сражением у Мон-Сен-Жан, немцы – сражением у Бель-Альянс. В России же первое упоминание об этой битве носит двойное наименование: Ватерлоо/Бель-Альянс, но уже вскоре в публицистике утверждается английский вариант. Как пишет Ю. Г. Степанов [8], тема последних сражений и посленаполеоновской Франции занимала центральное место на страницах «Сына Отечества» в 1815 году. Он также отмечает, что, если в марте 1814 года взятие российскими войсками Парижа вызвало ажиотаж в Европе и взрыв патриотического восторга в России, то повторная оккупация русскими столицы Франции воспринималась гораздо спокойнее. Так, в сообщении, датированном 1 августа 1815 года «Сын Отечества» сообщал: «Русские гренадеры вторично вошли торжественно в Париж 28 июля!..»

В России к теме сражения при Ватерлоо одним из первых обратился А. С. Пушкин. Его ода «Принцу Оранскому» [7] стала залогом будущей славы поэта, его первым крупным успехом на художественном поприще. Ода была написана по поводу женитьбы голландского принца из семьи Оранских, будущего короля Виллема Второго на русской принцессе Анне Павловне. За 5 лет до этого царь Александр I дипломатично отказал Наполеону Бонапарту, желавшему получить руку его сестры, русской принцессы. Ода Пушкина посвящена победе над Наполеоном при Ватерлоо, к которой Принц Оранский имел самое непосредственное отношение, активно участвуя в сражениях как генерал английской армии и даже получив ранение в плечо. Его называли героем Ватерлоо и Куатре-Бра.

В своем произведении А. С. Пушкин акцентирует наше внимание на событиях при помощи поэтических строк, однозначно высказывая свое собственное отношение к предмету описания: «...смерть погибельным крылом шумела грозно над вселенной!», о Наполеоне: «Узрел он в пламени Москву – и был низвержен ужас мира, покрыла падшего главу благословенного порфира», «...воздвигал свой шаткий трон <...> и пал отторжен от вселенной». Ощущение победы у Пушкина граничит с восхищением перед искусством Наполеона, перед которым он, несмотря на итоги прошедшей военной кампании, преклоняется.

Свое же стихотворение он посвящает принцу Оранскому и завершает многоговорящими словами:

«...Его текла младая кровь,

На нем сияет язва чести:

Венчай, венчай его, любовь!

Достойный был он воин мести».

В личных дневниках и сочинениях А. И. Герцена [2] мы находим строки, предельно искренне и откровенно выражающие личное отношение автора к победе над французами. Герцен явно сочувствует Наполеону, обещавшему Европе, в том числе, конечно же, и России, свободу, отмену крепостного права и полноправие народу. Строки его сочинений полны нескрываемого отчаяния: «Я не могу равнодушно пройти мимо гравюры, представляющей встречу Веллингтона с Блюхером в минуту победы под Ватерлоо. Я долго смотрю на нее всякий раз, и всякий раз внутри груди делается холодно и страшно <...> Они только что своротили историю с большой дороги по ступицу в грязь, – в такую грязь, из которой ее в полвека не вытащат <...> Дело на рассвете... Европа еще спала в это время и не знала, что судьбы ее переменялись». Подобная оценка – признак наличия противоречий в русском обществе, социальной неудовлетворенности, которую очень чутко смог уловить Герцен.

Сам Наполеон накануне сражения сделал ставку на оружие, говоря: «Спасение государства зависит от ружей», но далеко не всегда досконально выверенная тактика и не раз оправдавшая себя стратегия способны предопределить исход военного столкновения.

Уже после революции 1917 года в России отношение к самому Наполеону стало сводиться к признанию за ним права считаться революционером, а к Ватерлоо – как к последней вехе в развенчании легенды о непобедимости оппозиционных легальному и зачастую легитимному правительству государства сил.

Неоднозначные оценки всегда сопутствуют историческим событиям, имевшим хоть сколько-нибудь существенное значение сразу для нескольких сильных государств, имевших авторитет на международной арене. Само «Ватерлоо» со временем стало именем нарицательным, символизирующим полный крах далеко шедших надежд с глобальной перспективой хорошо продуманного замысла. Таким образом, в процессе изучения проблемы формирования русской коллективной памяти, во многом «приспосабливающейся» к национальным особенностям государства, можно сделать вывод о том, что русские посчитали его поворотной точкой в судьбе европейских государств. Именно поэтому столь трагическое событие во всемирной истории, к которому хоть и косвенное, но имела касательство русская общественная мысль, не осталось без внимания следующих поколений.

Литература

1. Амбарцумов И. В. Образ Наполеона I в русской официальной пропаганде, публицистике и общественном сознании первой четверти XIX века. – СПб., 2008.
2. Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах. – М., 1957. – Т. XI.
3. Гладышев А. В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. – 2017. – Т. 59. – С. 136-150.
4. Леер Г. А. Сложные операции. Конспект кампании 1815 г. – СПб., 1892.
5. Перевалова А. Н. Образ битвы при Ватерлоо в английской и французской художественной литературе второй половины XIX века // Многомерность общества: человек в социальном взаимодействии. 1-й молодежный конвент. – Екатеринбург, 2017. – С. 65-67. В отечественной историографии нам известна еще одна публикация, непосредственно посвященная этой проблеме: Гладышев А. В. Ватерлоо как место памяти: мемориально-музейный ландшафт и политика преодоления прошлого // Историческая память и культурные символы национальной идентичности: матер. междунар. науч. конф. (Пятигорск, 18-20 октября 2017 г.). – Ставрополь; Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2017. – С. 134-139.
6. Постникова А. А. Наполеоновская эпоха в искусстве современной Франции // Бюллетень науки и практики. Электрон. журн. – 2017. – № 12 (25). – С. 401-410. – Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/postnikova-aa> (дата обращения: 15.12.2017).
7. Пушкин А. С. Принцу Оранскому // Собрание сочинений в 10-ти томах. – М., 1959. – Т. 1. – С. 357-358.
8. Степанов Ю. Г. В тени Наполеона... Журнал «Сын Отечества» о Франции и Французах в 1815 году // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева. – Саратов: Саратов. гос. ун-т., 2015. – Вып. 11. – С. 71-81.
9. Forrest A. Waterloo: Great Battles. – Oxford, 2015.